

Шэнь Цзянь опустился на колени:

— Бабушка, внук вернулся поздно.

— Только что закончил с делами службы и поспешил обратно без промедления. Прошу бабушку наказать меня.

Старая госпожа помогла Шэнь Цзяню подняться:

— Ты ел?

Шэнь Цзянь опустил голову:

— Еще нет.

Старая госпожа поспешно велела слугам приготовить еду и с сочувствием взяла Шэнь Цзяня за руку:

— Как же тяжело приходится моему внуку, даже в канун Нового года нет покоя.

— Это мой долг, — ответил Шэнь Цзянь.

Старая госпожа понимающе кивнула:

— Ты старший сын, на твоих плечах лежит благополучие всей нашей усадьбы. Бабушка все понимает. Я лишь сокрушаюсь о тебе, как я могу тебя наказать?

— Твоя третья сестра не смогла приехать, прислала угощения из императорского дворца. Я не стала подавать их на общий стол. Те двое оболтусов только и делают, что целыми днями развлекаются да пируют, каких только изысков они не пробовали?

— То ли дело ты - терпишь лишения в военном лагере.

— Так что бабушка все приберегла для тебя.

У Шэнь Цзяня потеплело на душе:

— Бабушка всегда заботится обо мне, я бесконечно благодарен.

Поболтав с внуком о домашних делах, старая госпожа как бы невзначай перевела взгляд на стоявшего в стороне Гунсунь Сы:

— Этот мальчик следует за тобой уже больше месяца. Ну и как он?

Шэнь Цзянь посмотрел на Гу Сы, который стоял прямо и неподвижно, словно копье, и удовлетворенно кивнул:

— Сяо Гу очень одарен, схватывает все на лету и строго соблюдает правила. Из него выйдет отличный воин.

Старая госпожа посмотрела на Гунсунь Сы с явным одобрением:

— Сяо Гу, Цзянь-эр редко кого-то так хвалит. Раз он верит в тебя, ты и сам должен продолжать усердно трудиться.

— Слушаюсь.

Старая госпожа продолжила:

— Я знаю, что у тебя не осталось родных. Считаю отныне резиденцию маркиза своим домом.

— Слушаюсь.

Вскоре на столе появилась дымящаяся еда.

Старая госпожа пригласила Гунсунь Сы присесть и поужинать вместе с ними.

Гунсунь Сы вежливо отказался. Различие между господами и слугами – это то, что он понимал лучше кого бы то ни было.

Старая госпожа с улыбкой посмотрела на Шэнь Цзяня:

— Похоже, твоего человека я уговорить не могу. Прикажи ему сам.

Хотя Шэнь Цзянь и посчитал такой жест бабушки не совсем обычным, в военном лагере он привык к простоте отношений, поэтому, раз бабушка настаивала, он отдал приказ.

Гунсунь Сы сел за стол.

Старая госпожа отослала слуг из комнаты и тоже присела к ним:

— В Новый год вся семья должна быть вместе.

— Сяо Гу, если ты не против, можешь впредь считать меня своей бабушкой.

Гунсунь Сы поспешно поднялся:

— Ничтожный слуга не смеет.

— Ну полно, полно, надо же так испугаться. Садись.

Старая госпожа не могла сдержать волнения. Она заботливо подкладывала еду Шэнь Цзяню:

— Сегодня канун Нового года. Твои безалаберные родители так заигрались, что забыли дорогу домой. Вот я и выпила пару чарок с тоски, немного захмелела.

Шэнь Цзянь понимал, что бабушка пристрастилась к вину от душевной горечи, но, поскольку речь шла о его родителях, он не мог их осуждать:

— Бабушка, впредь я обязательно буду находить больше времени, чтобы навещать вас.

— Хороший мой мальчик.

Старая госпожа положила еды и Гунсунь Сы:

— И ты тоже почаще навещай бабушку.

Гунсунь Сы слегка опешил, не понимая, были ли слова старой госпожи пьяным лепетом или чем-то иным. С беспокойным сердцем он тихо ответил:

— Слушаюсь.

Старая госпожа казалась очень счастливой и даже выпила с ними еще половину чарки, остановившись лишь под уговорами Шэнь Цзяня.

Впрочем, хмельные люди всегда становятся разговорчивыми.

И старая госпожа не была исключением.

Держа левой рукой Шэнь Цзяня, а правой – Гунсунь Сы, она настойчиво наказывала двум братьям во всем поддерживать друг друга, и под конец у нее по щекам покатались слезы.

Шэнь Цзяню стоило немалых трудов уложить ее спать.

— Сяо Гу, ты можешь идти.

— Слушаюсь.

Гунсунь Сы твердым шагом вышел из покоев старой госпожи, но, едва оказавшись за дверью, прибавил ходу и вихрем понесся к комнате Чжао Фана.

Однако его ждало разочарование.

В комнате было холодно и пусто – Чжао Фана там не оказалось.

Гунсунь Сы почти сразу догадался, где тот может быть, и направился напрямик к Цзисяну и Фугую.

В комнате горела свеча, слабое пламя которой едва не погасло от порыва ветра, когда Гунсунь Сы распахнул дверь.

Чжао Фан действительно был там, и все трое уже изрядно набрались.

Хмельной Фугуй обнимал Чжао Фана, выпрашивая поцелуй:

— Юй-эр... Юй-эр... Ну поцелуй... хоть один разок...

Чжао Фан слабо сопротивлялся:

— Да не твоя я... Юй-эр... Цзисян, Цзисян...

— Спаси меня...

Цзисян, который держался на ногах лучше остальных, даже не думал помогать им. Он просто сидел напротив и глупо хихикал.

Картина, представшая перед глазами вошедшего Гунсунь Сы, едва не заставила его взорваться от злости.

Гунсунь Сы так и подмывало выругаться: Чжао Фан ведь совершенно не умеет пить, но каждый раз умудряется накинаться до беспамятства! Наказание какое-то!

Цзисян почувствовал, как по спине пробежал холодок, и невольно обернулся.

У двери стоял статный и грозный молодой офицер с лицом холодным как лед.

Цзисян от испуга едва не свалился со скамьи:

— Ты... ты кто такой?!

Гунсунь Сы проигнорировал его. Он подошел прямо к Чжао Фану, одной рукой отшвырнул приставучего Фугуя, а другой бесцеремонно схватил Чжао Фана за шиворот.

И потащил прочь, словно нашкодившего цыпленка.

Цзисян протер глаза и только тогда разглядел гостя:

— Гу Сы?!

О боги.

Правду говорят: встречаются по одежке.

Облаченный в доспехи стражника порядка, Гу Сы больше не походил на того жалкого, забитого мальчишку. Он превратился в сурового, закаленного воина.

Этот контраст настолько поразил Цзисяна, что он еще долго стоял с открытым ртом, не в силах прийти в себя.

А Гунсунь Сы тем временем уже бесцеремонно взвалил Чжао Фана на плечо.

— Ну и характер у этого парня, — пробормотал Цзисян. — Бедный брат Чжао, досталась же ему злобная женушка.

Чжао Фан висел вниз головой, утыкаясь лицом в холодные доспехи Гунсунь Сы. Он недовольно заворчал:

— Не тряси меня так... сейчас стошнит...

После этой жалобы идти действительно стало мягче.

Чжао Фан удовлетворенно причмокнул губами:

— Сяо Гу, а когда ты вернулся? И даже не предупредил...

— А у меня для тебя отличная новость.

Гунсунь Сы хмурился, он все еще злился:

— И какая же?

Чжао Фан уже собирался все выложить, но вдруг спохватился, прижался к самому уху Гунсунь Сы и заговорщически прошептал:

— Тсс, только тихо, чтобы никто не услышал.

— Я разбогател.

— Пятьсот лянов серебра.

— Представляешь? Куча денег!

— Мои деньги – это твои деньги.

— Хочешь купить усадьбу?

— Или, может, хочешь жениться?

— Ты ведь за всю жизнь еще ни разу не познал женщину, верно?

— Брат завтра же отведет тебя в одно место, повеселишься от души.

Поскольку они были очень близко, губы Чжао Фана при разговоре то и дело задевали мочку уха Гунсунь Сы.

Это мягкое и теплое прикосновение подействовало странно.

Ухо Гунсунь Сы против его воли вспыхнуло жаром.

Этот жар мгновенно поднялся к самой макушке.

У него даже кожа на голове натянулась.

В голове Гунсунь Сы зашумело, и он уже совершенно не разбирал, что там лепетал Чжао Фан.

Он даже не помнил, как дотащил его до комнаты. Опомнился только тогда, когда от жуткой жажды за один присест осушил половину кувшина с водой.

Посреди ночи Чжао Фан снова забормотал, прося пить.

Гунсунь Сы уже заметил: Чжао Фан вел себя так всякий раз, когда напивался.

И точно так же Гунсунь Сы никогда не помогал ему просто так.

<http://bllate.org/book/18123/1739340>